Минерва МакГонагалл провела взволнованных детей в Большой Зал. Четыре длинных стола тянулись вдоль стен, под потолком прямо в воздухе висели тысячи свечей, а сам он, казалось, был укрыт пеленой из миллиардов звёзд и звёздочек, игриво подмигивающих первокурсникам.

— Его специально так заколдовали, чтобы он был похож на небо, — забубнила откуда-то сбоку Гермиона. — Я вычитала это в «Истории Хогвартса».

Неужели это правда? Казалось, что потолка нет и весь зал сидит под открытым небом. Профессор остановилась перед преподавательским столом и взмахом руки заставила первокурсников сделать тоже самое. Странный маленький человечек принёс МакГонагалл табурет, который еле стоял на подкосившихся от времени ножках, а затем шляпу с многочисленными заплатками. Вдруг головной убор ожил и запел. Скрипучий голос разлился по всему залу, ребята помладше затихли, а старшекурсники всё так же оживлённо болтали. Всё же они видели распределение не первый раз и поэтому не особо интересовались выступлением Шляпы.

Может быть, я некрасива на вид,

Но строго меня не судите.

Ведь шляпы умнее меня не найти,

Что вы там ни говорите.

Шапки, цилиндры и котелки

Красивей меня, спору нет.

Но будь они умнее меня,

Я бы съела себя на обед.

Все помыслы ваши я вижу насквозь,

Не скрыть от меня ничего.

Наденьте меня, и я вам сообщу,

С кем учиться вам суждено.

Быть может, вас ждёт Гриффиндор,

Славный тем, что учатся там храбрецы.

Сердца их отваги и силы полны,

К тому ж благородны они.

А может быть, Пуффендуй ваша судьба,

Там, где никто не боится труда,

Где преданны все, и верны,

И терпенья с упорством полны.

А если с мозгами в порядке у вас,

Вас к знаниям тянет давно,

Есть юмор и силы гранит грызть наук,

То путь ваш — за стол Когтевран.

Быть может, что в Слизерине вам суждено

Найти своих лучших друзей.

Там хитрецы к своей цели идут,

Никаких не стесняясь путей.

Не бойтесь меня, надевайте смелей,

И вашу судьбу предскажу я верней,

Чем сделает это другой.

В надежные руки попали вы,

Пусть и безрука я, увы,

Но я горжусь собой.

Профессор МакГонагалл шагнула вперёд, в руках она держала длинный свиток пергамента.

— Когда я назову ваше имя, вы наденете Шляпу и сядете на табурет, — произнесла она. — Начнём. Аббот, Ханна! Маленькая девочка со светлыми волосами вышла из толпы и направилась к Распределяющей Шляпе. Недолго думая, последняя выкрикнула:

— ПУФФЕНДУЙ!

Ханна подбежала к аплодирующему столу. Пухленькая женщина за преподавательским столом довольно улыбнулась и помахала ей рукой. А Шляпа распределяла остальных детей.

— Грейнджер, Гермиона!

— ГРИФФИНДОР!

— Малфой, Драко, — побледневший мальчик вышел из строя первокурсников и, несмотря на лёгкую дрожь, уверенно подошёл к профессору МакГонагалл и осторожно сел на табуретку. Шляпа, едва коснувшись блондинистой макушки, сразу же вынесла вердикт:

— СЛИЗЕРИН!

Драко гордо прошествовал к своему столу. Детей становилось всё меньше и меньше, и Гарри не переставал волноваться. Теодор уже присоединился к слизеринцам, а Парвати Патил, надев

шляпу на голову, сразу же была отправлена в Гриффиндор.

— Поттер, Гарри, — наконец произнесла профессор.

В зале стало тихо. Даже неугомонные гриффиндорцы замолчали и затаили дыхание. По всему залу побежали шепотки:

«Это и вправду он, да?»

«Сам Гарри Поттер!»

«А у него правда есть шрам?»

Последнее, что увидел Гарри, это лица учеников, смотрящих прямо на него. А затем на глаза упала слишком большая для него Шляпа.

— Гм-м, — задумчиво произнёс прямо ему в ухо тихий голос. — Непростой выбор. Очень непростой. Много смелости, это я вижу. И ум весьма неплох. И таланта хватает — о да, действительно, это так, — и имеется весьма похвальное желание проявить себя… Да, ты сможешь стать великим, у тебя есть все задатки, я это вижу, а Слизерин поможет тебе достичь величия, это несомненно… СЛИЗЕРИН!

Большой зал затих. Казалось, что вот-вот кто-то и выкрикнет: «Это ошибка!»

Сотни глаз были устремлены на Гарри. Ни у кого не было сомнений, что сын Поттера — истинный гриффиндорец, и никто не ожидал увидеть его на факультете тёмных волшебников. Раздались лёгкие аплодисменты, в основном из-за преподавательского стола. Сняв шляпу, Гарри взглянул на Рона. Тот стоял в толпе ещё не распределённых учеников и с диким ужасом смотрел на Гарри, словно тот совершил как минимум убийство. Поттер взглянул на Хагрида, но его взгляд был суров и задумчив. Всё разрушилось из-за одного слова «Слизерин!». Не показывая своих бьющих через край эмоций, Гарри последовал к своему месту, куда ранее уходили слизеринцы. Раздались жидкие аплодисменты с этого стола. В горле совершенно пересохло, а ладони вспотели. Удивлённые взгляды преследовали его вплоть до того, как Гарри опустился на свободное место за столом. По всему столу продолжали обсуждать распределение, поглядывая на Гарри. Поттер молча сидел, делая вид, что ничего не слышит и

не видит. Такая тактика помогла выжить у Дурслей.

— А может, он будущий приспешник Сами-Знаете-Кого? — тихо высказала свои мысли девочка, чем-то напоминавшая мопса.

— Вдруг он новый Тёмный Лорд? — ещё сильнее понизив голос, произнёс какой-то старшекурсник.

— Как такое могло произойти? Он же победил…

Девушка, на груди которой красовался серебряный значок с буквой «С», шикнула на возбуждённых студентов, за что Гарри мысленно поблагодарил её.

Распределение продолжилось в обычном темпе, как до распределения Гарри.

— Уизли, Рон, — произнесла Минерва.

Гарри с надеждой поднял голову. Если он попал на Слизерин, то, может, и его друг тоже попадёт сюда? Даже отсюда было видно, как Рон нервничает, он прям весь позеленел. Смотря, как тот садится на стул и профессор надевает шляпу ему на голову, Гарри скрестил пальцы. Пусть будет Слизерин! Пожалуйста, пусть будет Слизерин. Пожа…

— Еще один Уизли, — пробормотала Шляпа, — ГРИФФИНДОР!

Алый стол разразился аплодисментами, а рыжеволосый мальчик присоединился к сидящим за столом ученикам. Пара таких же рыжеволосых мальчиков встали, чтобы поприветствовать брата. Гарри ощутил болезненный укол в сердце. Ему захотелось быть там, на Гриффиндоре…

Последний в списке Блейз Забини направился к слизеринскому столу. Профессор МакГонагалл скатала список в трубочку и, взяв в руки шляпу, зашагала прочь из Большого Зала. Блейз сел рядом, а Гарри первый раз окинул взглядом свой стол. Напротив него сидела девочка с маленьким лицом, чем-то напоминающим мопса. «Пэнси Паркинсон», — всплыло у него в голове. Чуть правее от неё сидел мальчик со светло-коричневыми волосами. Драко Малфой устроился за столом на стороне Поттера, так что Гарри не видел его лица, но слышал, как тот негромко рассказывает о том, что видел, как Поттер ехал в одном купе с Уизли, какому-то худощавому черноволосому мальчику, который прямо смотрел на самого Гарри. Он сразу отвернулся. Не хотелось бы настраивать других слизеринцев против себя. Хотя вместо него с этим прекрасно справится Малфой, но облегчать ему работу, подслушивая чужие разговоры, он совершенно не собирался.

Вдруг настала тишина и все перевели взоры на стол преподавателей. Альбус Дамблдор — Гарри сразу его узнал по длиннющей белой бороде — доброжелательно улыбался. Его взгляд пробежался по всем столам факультетов и задержался на Гарри. Глаза у него были ярко-голубые и даже с такого расстояния, казалось, пронзали насквозь. Мальчик уткнулся взглядом обратно в стол и не поднимал его, пока звучала речь директора.

— Добро пожаловать! — произнёс он. — Добро пожаловать в Хогвартс! Теперь это ваш второй дом, где вы всегда сможете рассчитывать на поддержку и найти опору. Но прежде чем мы начнём наш банкет, я хотел бы сказать несколько слов. Вот эти слова: Олух! Пузырь! Остаток! Уловка! Всё, всем спасибо! Зал разразился радостными криками и аплодисментами.

Праздничный пир произвёл на Гарри огромное впечатление. Столько еды он не видел даже у Дурслей, когда те готовились к Рождеству. Не привыкший к такому изобилию еды, первокурсник растерялся. Наложив себе на тарелку чуть-чуть картошки и пару горячих сосисок, мальчик приступил к трапезе. Его порция была значительно меньше, чем у девушек во время диеты.

Еда не утолила сильного чувства голода, но взять добавки Гарри не решался. Однажды Дурсли разрешили ему отпраздновать Рождество за одним столом. Это было после наказания. Тётя наложила Гарри картошку и сосиски — и это был первый и последний раз, когда он пробовал такое. Та еда была изумительной, но, доев, он тихо попросил добавки, что вызвало ярость Дурслей. Не желая портить свой праздник, они наложили ему ещё одну порцию, но после этого момента Гарри больше никогда не праздновал Рождество с Дурслями, которые отправляли его вместо этого в чулан, что отбило напрочь желание когда-либо брать добавки.

Пир заканчивался. Еда исчезла с тарелок, и профессор Дамблдор опять поднялся. Наступила тишина.

— Хм-м-м! — громко прокашлялся Дамблдор. — Теперь, когда все мы сыты, я хотел бы сказать ещё несколько слов. Прежде чем начнётся семестр, вы должны кое-что усвоить. Первокурсники должны запомнить, что всем ученикам запрещено заходить в лес, находящийся на территории школы. Некоторым старшекурсникам для их же блага тоже следует помнить об этом…

Сияющие глаза Дамблдора остановились на столе гриффиндорцев.

— По просьбе мистера Филча, — продолжил Дамблдор, — нашего школьного смотрителя, напоминаю, что не следует применять магию на переменах. А теперь насчёт тренировок по квиддичу: они начнутся через неделю. Все, кто хотел бы играть за сборные своих факультетов, должны обратиться к мадам Трюк. И наконец я должен сообщить вам, что в этом учебном году правая часть коридора на третьем этаже закрыта для всех, кто не хочет умереть мучительной смертью.

Гарри усмехнулся шутке, но впереди сидящий Блейз продолжил с неослабевающим вниманием смотреть на директора, а остальные начали переглядываться и перешёптываться.

— Кхм. Он ведь пошутил? — тихо обратился Гарри к Блейзу. Тот повернулся к нему, немного нахмурившись. Его карие глаза метнулись к шраму на лбу. Гарри, пользуясь случаем, в ответ рассматривал его. Чёрнокожий, худощавый и темноволосый, одетый с иголочки, он мало походил на живого и весёлого Рона. Хотя надменного и манерного Малфоя он тоже не напоминал. Взгляд Гарри остановился на зелёном галстуке Блейза — знаке принадлежности к Слизерину. И скосил на свой галстук. Да, у него был такой же. Теперь он на Слизерине, слизеринец.

Его метания не укрылись от Блейза. Но тот лишь сказал:

— Не думаю. Такими вещами не шутят. Но…

— А теперь, прежде чем пойти спать, давайте споём школьный гимн! — перебив Блейза, прокричал Дамблдор. Директор встряхнул палочкой, и из неё вырвалась длинная золотая лента, которая начала подниматься над столами, а потом рассыпалась на золотистые искры, которые образовали повисшие в воздухе слова.

— Каждый поёт на свой любимый мотив, — промолвил Дамблдор. — Итак, начали!

И весь зал заголосил:

Хогвартс, Хогвартс, наш любимый Хогвартс,

Научи нас хоть чему-нибудь. Молодых и старых, лысых и косматых,

Возраст ведь не важен, а важна лишь суть. В наших головах сейчас гуляет ветер,

В них пусто и уныло, и кучи дохлых мух,

Но для знаний место в них всегда найдется,

Так что научи нас хоть чему-нибудь. Если что забудем, ты уж нам напомни,

А если не знаем, ты нам объясни. Сделай всё, что сможешь, наш любимый Хогвартс,

А мы уж постараемся тебя не подвести.

Каждый пел, как хотел — кто тихо, кто громко; кто весело, кто грустно; кто медленно, кто быстро. Весь факультет Слизерина пел негромко, но торжественно. Гарри тоже старался пристроиться к мотиву своего факультета, проникаясь торжественностью. Его Хогвартс! Да, он не поступил как хотел на Гриффиндор, но главное ведь не это, а то, что не надо возвращаться к Дурслям, где он никто и никому не нужен. Тут он научится, он сможет. Его место здесь, в мире волшебства. Песня завершилась, и Гарри замолчал, чувствуя какое-то единение со своим факультетом, даже с противным Малфоем. Но торжественность нарушилась — близнецы Уизли всё ещё продолжали петь школьный гимн — медленно, словно похоронный марш. Дамблдор начал дирижировать, взмахивая своей палочкой. Раздались приглушённые смешки откуда-то справа и сзади. Гарри чувствовал себя неуютно, даже странно, слушая, как Уизли поют, а директор со сосредоточенным лицом машет палочкой, а сзади кто-то ехидно, явно издеваясь, почти неслышно комментирует. А когда они, наконец, допели, Дамблдор аж прослезился.

— О, музыка! — воскликнул он, вытирая глаза. — Её волшебство затмевает то, чем мы занимаемся здесь. А теперь спать. Рысью — марш!

Заскрипели отодвигаемые лавки, с которых начали вставать ученики, а старосты факультетов повели первокурсников в гостиные их факультетов. Слизеринцы вышли вместе с остальными, но дальше разошлись, спускаясь вниз, прямо в недра школы. Факелы почти не освещали дорогу, но создавали таинственные танцы теней на стенах. Гарри шёл рядом с Блейзом вслед за невысокой темноволосой девушкой. Сзади молча топали другие первокурсники. Слышен был лишь голос Малфоя, который жаловался на какого-то Кровавого Барона. Пройдя по коридору, они остановились перед стеной. Это был тупик.

http://tl.rulate.ru/book/52529/1321741